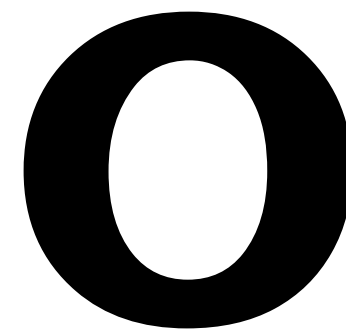

Национальный балет Марселя

Танец шаткого равновесия

Наталья КОЛЕСОВА. Фото предоставлены пресс-службой фестиваля

В ЭТОМ ГОДУ 35-й ФЕСТИВАЛЬ ТАНЦА В МОНПЕЛЬЕ СОБРАЛ СОЛИДНУЮ ЮБИЛЕЙНУЮ АФИШУ. СРЕДИ УЧАСТНИКОВ САМЫЕ ГРОМКИЕ ИМЕНА И ТРУППЫ СОВРЕМЕННОЙ ХОРЕОГРАФИИ: ОХАД НААРИН С ТЕАТРОМ «БАТШЕВА», НАЦИОНАЛЬНЫЙ БАЛЕТ МАРСЕЛЯ, ХОРЕОГРАФЫ МАГИ МАРЕН, АКРАМ ХАН И АНН ТЕРЕЗА ДЕ КЕРСМАКЕР, ПЕРВЫЙ НА СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ ИСПОЛНИТЕЛЬ АУТЕНТИЧНОГО ФЛАМЕНКО ФАРУКИТО FARRUQUITO И ЕЩЁ ДЕСЯТКИ ТРУПП, ИСПОЛНИТЕЛЕЙ, БАЛЕТМЕЙСТЕРОВ. ДВЕ НЕДЕЛИ ЗНОЙНЫЙ СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД ЖИЛ

Охад Наарин, философски назвавший свой новый спектакль «Последнее произведение» **Last Work**, бесспорно, самый звёздный участник программы. И труппа «Батшева» (Израиль) представила зрелище завораживающее, приковывающее внимание, глубокое, незабываемое. Звучит медитативная музыка (Гриша Лихтенбергер), на дальнем плане медленно бежит – и будет бежать на протяжении всего спектакля – танцовщица в синем платье, остальные артисты творят чудеса. Сюжета нет, но каждая связка движений, каждый новый изобразительный эпизод, мизансцена, дуэт наполняют визуальность содержанием. В палитре хореографа и медленная плавность, и атлетизм, и ритуальность, и механистичность движений. Стиль Охада Наарина, узнаваемый и одновременно неожиданный, каждый раз открытие. Саван и лица в масках, чёрные монашеские одеяния, белый флаг и оружие – вот «аксессуары» современной эпохи, отзвуки которых постановщик уловил и перевёл на свой язык символов и жестов. Ассоциации с агрессией окружающего мира, шатким равновесием войны и перемирия, безусловно, прочитываются. Ритм замедляется до роботообразных «электронных» повторов и, наконец, до полной статики, когда некто сцепляет скотчем тела танцовщиков, превращая их в инсталляцию в сети клейких лент.

Кристиан Риццо, представляющий Национальный центр хореографии

Монпелье Лангедок-Руссильон в спектакле-высказывании **Sakinan goze cop batar** («Сильнее страдает тот глаз, который бережешь больше всего») выразил восприятие мира иммигранта. Это монолог для одного исполнителя – турецкого артиста Керема Гелебека. Ключевые понятия «здесь» и «там», появляющиеся в виде табличек here и there, ограничивают этот замкнутый мир.

Представление дюссельдорфской группы «Новые танцы» экстравагантного немецкого балетмейстера по имени VA Wolfi «Хореография: журналистика, короткие куски» вообще не имело фиксированного хронометража. Исполнители через наушник получали от постановщика команду, что делать: брать электрогитару и играть, стрелять из пистолета, падать ничком на авансцене и так далее. Эта дерзкая забава разворачивалась в интерьерах старинного Театра комедии, но все же осталась изощрённой игрушкой на стыке жанров танца, перформинг-арта и музыки – для одного человека: её автора.

Монпелье Лангедок-Руссильон в спектакле-высказывании **Sakinan goze cop batar** («Сильнее страдает тот глаз, который бережешь больше всего») выразил восприятие мира иммигранта. Это монолог для одного исполнителя – турецкого артиста Керема Гелебека. Ключевые понятия «здесь» и «там», появляющиеся в виде табличек here и there, ограничивают этот замкнутый мир.

Last Work

«Хореография:
журналистика,
короткие куски»

**ИСПОЛНИТЕЛИ ЧЕРЕЗ
НАУШНИК ПОЛУЧАЛИ
ОТ ПОСТАНОВЩИКА
КОМАНДУ, ЧТО ДЕЛАТЬ:
БРАТЬ ЭЛЕКТРОГИТАРУ
И ИГРАТЬ, СТРЕЛЯТЬ
ИЗ ПИСТОЛЕТА,
ПАДАТЬ НИЧКОМ
НА АВАНСЦЕНЕ И ТАК
ДАЛЕЕ**

Имя испанского танцовщика Фаррукито весьма авторитетно в мире фламенко. Представитель легендарной семьи, внук прославленного Фарруко, этот молодой гений андалусского танца пленяет какую угодно публику. В новом спектакле **Pinacenda** (по-андалусски «Дорога») он выступает соло в окружении музыкантов и певцов, ведя страстный, возвышенный, горделивый диалог танца и музыки. Под хриплое, аутентично дикое пение и яростные переборы гитары, звуки флейты, скрипки, ударных он как бы

разговаривает с женщиной, флейтой, скрипкой – и каждый эпизод исполняется танцовщиком как последний. Ажурная тень Альгамбры возникает на заднике, на авансцене на крошечном алтаре горит свеча. В финале Фаррукито рассыпает по сцене розы из корзины в память о членах своей семьи: их уже нет с ним, но они незримо присутствуют в его выступлениях. Танец артиста – это и гимн, и молитва одновременно. Гремящие каблуки высекают из сцены искры, белая рубашка танцующего на столе артиста сияет в полумраке, мужественные повороты корпуса, плавно раскрывающиеся руки, говорящие кисти заставляют вспомнить лучших танцовщиков фламенко. Музыкальные интермеццо в спектакле – отдельные номера, во время которых мы слышим ритм сердца, отбиваемый стальными ладонями. Все инструменталисты и певцы – звезды в своём жанре. Фаррукито всегда использует в спектаклях оригинальную, специально созданную для него музыку. Традиционные представления музыкантов и певцов – вечный обман: фламенко никогда не заканчивается. Легендарный Фарруко, дед артиста, танцевал до конца. Потому что танцевал сердцем. И по этой «Дороге» продолжает идти Фаррукито.

Монпелье – Москва

«Pinacenda»

«Pinacenda»

The Dance of Fragile Balance

Natalia KOLESOVA. Photos courtesy of the festival press service

THIS YEAR THE 35 TH MONTPELLIER DANCE FESTIVAL PUT TOGETHER AN IMPRESSIVE PLAYBILL. THE PARTICIPANTS INCLUDE SOME OF THE MOST FAMOUS NAMES OF CONTEMPORARY CHOREOGRAPHY: OHAD NAHARIN WITH THE BATSHEVA DANCE COMPANY, THE BALLET NATIONAL DE MARSEILLES, CHOREOGRAPHERS MAGUY MARIN, AKRAM KHAN AND ANNE TERESA DE KEERSMAEKER, FARRUQUITO – TODAY'S NUMBER ONE PERFORMER OF AUTHENTIC FLAMENCO DANCE, AND DOZENS OF OTHERS. FOR TWO WEEKS THE MEDIEVAL CITY LIVED IN BRIGHT FESTIVAL RHYTHMS.

Sakinan goze cop batar

slow smoothness, and athleticism, rituality and rigidity of movements. Ohad Naharin's style is both recognizable and unexpected – a discovery every time. A shroud and masked faces, black religious habits, a white flag and weapons – such are the “accessories” of modern age, and the director captured their echoes and transposed them to his language of symbols and gestures. Associations with the aggression of the world around us, the fragile balance of war and truce can certainly be seen in them. The rhythm slows down to robot-like repeats, and, finally comes to a complete standstill, when someone attaches the bodies of the dancers to one another with Scotch tape, turning them into an installation within a web of sticky tapes.

Christian Rizzo, who represents the Centre Choréographique National de Montpellier Languedoc-Roussillon in the statement production of **“Sakinan göze çöp batar”** (“An overprotected eye always gets sand in it”), expressed an immigrant's perception of the world. This is a monologue for one performer – Turkish artist Kerem Gelebek. Key concepts of “here” and “there” that appear as signs set boundaries for this closed-off world.

The performance of **“Chor(e) ographie/Journalismus: kurze stücke”** by Düsseldorf's Neuertanz Company, led by the extravagant German choreographer VA Wölfl, had no timekeeping at all. Performers received directions via headphones from the director: to take an electric guitar and play, to shoot a gun, to fall face down on the proscenium, etc. This audacious play was unfolding within the interiors of the old Comedy Theatre, but it still remained a sophisticated toy at the intersection of the genres of dance, performing arts and music – for one person: its author.

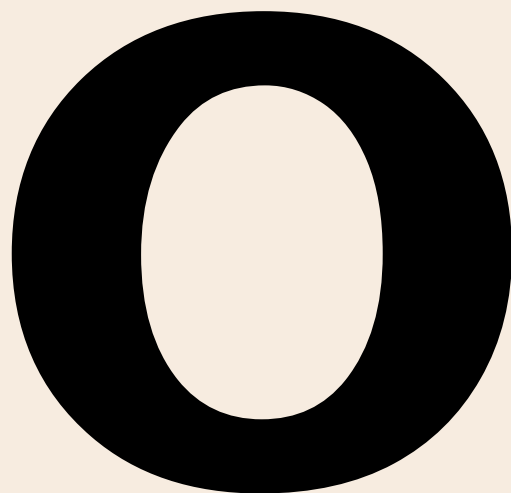
“Pinacenda”

The name of Spanish dancer Farruquito is very well respected in the world of flamenco dancing. A representative of a legendary family, the grandson of the famous Farruco, this young genius of Andalusian dance can captivate any audience. The new production of **“Pinacenda”** (**“Path in Andalusian”**) has him performing solo, surrounded by musicians and singers, conducting a passionate, exalted, and haughty dialogue of dance and music. He seems to be speaking to the woman, the flute, the violin to the sounds of husky, authentically wild singing and furious guitar fingering, the voices of the flute, the violin, the drums, and each episode is performed in such a way as though it were the last. Alhambra's delicate shadow appears on the backdrop, a candle burns on a tiny altar. In the finale Farruquito scatters roses on the stage in memory of his family members. The artist's dance is both a hymn and a prayer. The thundering heels draw sparks from the stage, the white shirt glistens in the semidarkness, the manly twists of the body, the smoothly opening arms, the talking hands remind us of the best flamenco dancers. Musical intermezzo in the production are separate numbers, during

**OSTIAM QUI SI DEST
LATIA DITIUM QUIA
SITECUS SUNT QUE
SUM INVENDA QUATQUA
TQUASSI NIENDAM
RATE VERCIENDITIA
DOLENTIUM REM
VOLEST QUOSA**

which we hear the rhythm of the heart beat out by steel palms. All the instrumentalists and singers are stars in their own genres. In his performances Farruquito always uses music that was created specifically for him. Traditional conceptions of musicians and singers are an eternal trickery: flamenco is never over. The legendary Farruco, the artist's grandfather, danced until the very end – danced with his heart. And Farruquito continues to follow that “Path.”

Montpellier – Moscow

had Naharin with his Batsheva company (Israel), whose latest production is philosophically titled **“Last Work”**, is unquestionably the program's most renowned participant. Meditative music (Grisha Lichtenberger) is heard playing, a female dancer in a blue dress is running slowly in the background during the entire production, the other artists are performing miracles. There is no plot, but every string of movements, every new descriptive episode, every mise-en-scène, every duet fill the visual with content. The choreographer's palette has

Last Work